

Иван Сергеевич Шмелев
Рассказы

Забавное приключение

Annotation

- - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

I

С именем дело наконец выяснилось. Генеральша ответила, что, потеряв на войне сына, она уже не в силах вести хозяйство и готова продать; что ей только и остаётся тихая келья и нужно теперь же получить десять тысяч, чтобы не упустить домик в монастыре, а то могут и перебить. Поэтому пусть ей сейчас же телеграфируют, а то набивается Провотархов.

Карасёв пробежал эти пустяки, ища главного — сколько просит, нашёл, что согласна за сорок тысяч, назвал генеральшу дурой и решил сегодня же ехать и кончить. Одного лесу было тысяч на пятьдесят. А главное — рядом с его заводом.

С войной ему повезло. Захиревший заводик теперь был завален заказами на подковы, гвозди, грызла и стремяна. Со свояком, москательщиком, скупил он на последние десять тысяч, заложив женин дом, подвернувшемуся партию индиго, а через год продал за полтораста. С Бритым, который раньше торговал книгами, вовремя ухватил сапожные гвозди, а там подошли подошва и олово, кнопка и нафталин и, наконец, чудесный дом-особняк, недавно отстроенный немцем Граббе, бросившим все дела на биржевого зайца.

Позвонив какому-то Николаю хватать у Павлушкина всю муру и телеграфировать "саратовскому болвану" зубами держаться и не выпускать ни за какие деньги; отдав ещё невнятные приказания, в которых только и было понятно, что — "напильниками меня зарезали" да — "этой сталью я ему морду утру", — Карасёв приказал готовить автомобиль в дорогу.

После недели дождей с утра засияло солнце: в такую погоду было приятно покатить за город по хорошему делу. Глядя на яркий газон палисадника, с красными астрами в чёрных клумбах, Карасёв вспомнил, что надо послать денег жене в Алупку и написать, чтобы не торопилась и жарилась с ребятами на солнце. "Да и ей надо завезти, — подумал он про Зойку, которую отыскал в Екатеринославе, в летнем саду, и вывез в Москву, обещая устроить в оперетке, — ждёт, шельма..." Увидел в зеркале своё круглое, красное, как титовское яблоко, лицо с раздувшимися щеками и пошёл в ванную принять душ. Так присоветовал ему англичанин Куст, славный парень, с которым сделали они дельце на соде: в тридцать два года нельзя позволять "такой пуз". Раза три звонил телефон, пока он возился в ванной, и он всякий раз вызывал к себе горничную Машу, фыркавшую за дверью:

— Кто ещё там?..

— Да всё ваша.

На новый звонок он подбежал к телефону, в простыне, сказал, что выкупался сейчас, как скворец, посоветовал и ей пополоскаться и заявил, что сегодня у него дельце "а-ля карман" и ехать на Дмитровку ему никак не придётся. Она настаивала, чтобы непременно заехал к ней.

— Нет, дудки-с!

Она, конечно, требовала денег. За три месяца эта первая содержанка стоила ему тысяч двенадцать, но он утешал себя, что у всех, с кем делал дела, были и более дорогие. А теперь кто же считает на тысячи! Да и должно же чего-нибудь стоить иметь такую: двадцатилетка, красавица, и такой голос, что компания в Яре, где ужинал вчера миллионер Сандуков, директор четырёх банков, выслала своего лазутчика, маклера Залетайкина, и просила объединиться, чтобы выразить восхищение. И не двенадцати тысяч стоило, когда он, на глазах Сандукова и важного путейского чина, усадил Зойку в автомобиль, плотно сел рядом, а те гнались за ними до самой

квартиры Зойкиной, куда и были приглашены для встречи зари с балкона на восьмом этаже. Это было приятно, но и немного тревожно, как бы не перехватили Зойку. Но было и важно, что теперь будет обеспечен кредит.

Он принялся за кофе — прежде он пил чай с калачами — и намазывал маслом поджаренные хлебцы. Этому научил его Бритый, с которым покупал гвозди. И пока пил кофе, по телефону свалилось семнадцать тысяч. Приказав выписать в синий пакет три тысячи, он выругал стервецом кого-то и пообещал, задрожав щеками, что вся станция полетит к чёрту:

— Я вчера с таким персончиком ужинал, что у них все ноги поотымаются, у чертей!

Пробил час. Шофёр подал тройной хрипящий гудок, похожий на свиной кашель. Маша приготовила чемодан и плед и спросила, когда ожидать домой.

— К ночи буду.

Он сунул в бумажник пачку петровок ^[1] — на десять тысяч, задаток для генеральши: чего баба понимает в чеках! — прибавил тысячу сотенными — для шельмы, надел походную, как он называл, куртку боевого цвета, покроя «френч», с клапанами и кармашками, высокие сапоги и крутого сукна спортсменскую кепку, с большими консервами ^[2], и стал похож на автомобилиста с плаката.

II

Во дворе, на боковом подъезде, он не без удовольствия оглянул промытый дождями широкий асфальт, залитый солнцем и совершенно серый теперь, с парой сыроватых полос в ёлочку, от автомобиля, гараж из бурого камня, похожий на пещеру, и, наконец, машину. Машина была — шестидесятисильный «фиат», гоночная, приземистая и длинная, похожая на торпеду, с приятным овалцем, как у ковша, — где садятся, — и мягкой окраски лакированного ореха. Это была вторая машина, сменившая малосильную каретку. Теперь и эта «калоша» не нравилась и доживала последние дни, — вот только

придёт из Англии. Худощекий шофёр, похожий на мальчика-англичанина, в кожаной куртке, строго сидел с кулаками на рулевом колесе, готовый хоть на край света.

— На завод, к пяти... — бросил ему Карасёв, грузно входя в машину и защёлкиваясь с треском.

Он надел виксатиновое гороховое пальто, натянул кепку и погрузился по самые плечи в ковш.

Кашлянув раза два, вынырнула машина из ворот на почтительно козырявшего городского, вильнула и завертелась по переулкам. С Мясницкой повернули на бульвары и остановились у десятиэтажного дома: надо было завести Зойке деньги.

Карасёв поднялся в восьмой этаж и застал Зойку за кофе. Она порхнула к нему и кинула ему на плечи тонкие руки, выюркнувшие из кружев.

— А Сандуков уже был у меня с визитом! Слышишь, его сигара...

Она плутовато заглянула в нахмурившееся лицо Карасёва и закрыла ему рот его же щеками.

— Но какого чёрта этот самовар шляется! — сердито сказал он, высвобождая губы.

Она наивно вскинула брови:

— Самовар... вот прелесть! За город ты?! Я еду с тобой! — захлопала она в ладоши, давая ему розовые пальцы-коротышки, которые он называл — "ляпульки".

— Я на завод, по делу... — сказал Карасёв, хмурясь. — Больше ста вёрст.

— И сегодня вернёмся?! Нет, я еду!

Это значит — лететь, как птица, как на гонке.

— Только с тобой и ни с кем больше! Это ему понравилось.

— Сегодня мы поедem с кузнечиком! — сказала она загадочно, ускользнула от его рук и крикнула: — Одеваться.

А он занялся хозяйством: достал из буфета коньяк и флакон ликёра, положил в чемодан и позвонил Елисееву [3], чтобы немедленно приготовили "компактный дорожный завтрак". Потом терпеливо шагал и думал: как, однако, быстро натаскала она всякого мусора! Теперь жалуется, что тесно. Шелесты и каблучки за дверью, стук флаконов и скачущие словечки — "да скорей же, скорей... где же перчатки... застегни на верхние пуговицы... почему складки?" — всё

это приятно щекотало. Он прислушивался и мурлыкал. Потрогал фигурку голого мальчика, купленного за двести рублей, — "это будет наш мальчик", — сказала Зойка, — и нетерпеливо постучал пальцем в последнюю клавишу новенького пианино, вспомнив при этом, что за пианино заплачено тысяча двести, за этот ковёр пятьсот, за тигровую шкуру — не настоящую, но кто разберёт! — триста.

— Сейчас! — крикнула Зойка, и лицо Карасёва засияло: распахнулась портьера, и выпорхнула женщина-кузнечик.

Она была вся зелёная, до рези в глазах, новая и... босая. Так ему показалось. На ней были высокие, до колен, башмачки розовой лайки. Это был не прежний "святой чертёнок": это был кузнечик с головкой женщины, дразнивший его яркой окраской рта и тонко тронутыми наводкой прелестными синими глазами.

Она чуть приподняла юбку и качнула ногой.

— Нравится?.. — спросила она задорно и упорхнула в переднюю.

В лифте он крепко, до писка, прижал её и назвал сливочным зайчиком, а она шепнула:

— А к ночи ко мне?..

И так кивнула, дразня ресницами, что Карасёв почувствовал себя счастливецом, что имеет такую женщину. Удачно случился тогда в Екатеринославе!

И швейцар, распахнувший парадное, и господин почтенного вида, с портфелем, и даже шофёр — все смотрели, как эта зелёная женщина порхнула в автомобиль. Все дивились её стройным ногам в тугой розовой лайке, почти до колен открытым зелёной юбкой, тонкой и вольной, как ночная сорочка. Её прикрывало коротенькое манто, последней модели, прибывшее из Парижа морем; а шляпка-каскаетка, с серой птичкой в полёте, придавала ей очаровательный вид кузнечика-женщины, тонкой, лёгкой и цепкой. Она вошла в лакированный ковш машины и погрузилась по шейку, будто в тёплую ванну. Грузно опустился к ней Карасёв.

— Сейчас половина третьего, — сказал он шофёру. — К семи чтобы на заводе.

По дороге они захватили "компактный дорожный завтрак", тростниковый баульчик в ремнях, изобретение Карасёва, которым он так гордился. Тут было лёгкое и питательное, на полсотни, перенятое от англичанина Куста вместе со словом «брефест» [4], которое Карасёв насмешливо переделал в "брей-хвост".

Вынесло на шоссе — и открылся синий простор в позолоте первых осенних дней, в свежем ветре. Солнцем слепило с прудков и луж, радовало красной тряпкой на прясле, золотой берёзкой на бугорке, новой зелёной крышей. Швыряло в лицо дымком, прелью подбежавшей к дороге рощи; то вдруг охватывало весной, слабым запахом первой луговой травки с солнечного откоса, то полыхало душно тяжким жаром машины. Машина пела. Под кулаками насторожённого шофёра мягко заносилась она на заворотах, рокотала по мостикам, выбрасывая из-под колёс пожранное пространство. Далеко выщёлкивала, словно из пистолета, кремни, жвакала в редких лужах, секла их, как бичами, сверлила рвущуюся к ней даль, раз и раз отшвыривая камни-вёрсты, тревожа дремлющие деревни, взметая стайки грачей.

— Ах! — крикнула задохнувшаяся в бешеном лёте Зойка.

— Ходу! — заревел Карасёв, перегнулся к бурому затылку шофёра и поднял щиток от ветра.

Вытолкнуло броском, и теперь новая песня сверлила воздух. И уже не разобрать было, столб ли летит, дерево ли, или перила моста. Подымались из-за бугров столбы и проваливались назад, наплывали золотые рощи и бежали, как сумасшедшие, чтобы сгинуть. Мигали искорками оконца, чернели шапки, — стога ли, избы ли, — не видать.

— Свежо-о?! — крикнул Карасёв Зойке в лицо, чмокнул и прикрыл пледом. — Дудуська-а!..

Слова срывались и уносились ветром.

Карасёв осел и упёрся кулаками в сиденье, чувствуя поднимающее, победное, страшную силу, словно это он сам — эта бешеная машина и нет ему никаких пределов. Увидал, как треплется выбившаяся чёрная прядка волос, увидал побледневшее под тонкой окраской лицо, совсем мальчишеское теперь, глянувшие на него, полные задора, о глаза, крепко сжал маленькую руку и подумал сладко: вот оно, счастье!

— Ходу!!

Встречный возок полетел в канаву. Задом наскочил и провалился солдат на лошадке, в шинели горбом, с зелёными шарами сена в сетках. Миг один мчалась собака сбоку. Выкатился на горке и поклонился им белый дом запустевшей почтовой станции в старых вёхлах, с чёрным узеньким орлецом. За версту закашлял и заревел гудок: переходило дорогу стадо. Пришлось сбавить ходу и остановиться совсем. Шершавые коровёнки, с провалинами у крестцов, словно одурели от хрипучего кашля гудка и сердитого клокотанья зверя и крутились, задрав хвосты. Пастушонок, в шапке стожком, щёлкал кнутом и прыгал. Чёрные овцы тыкались мордочками в колёса и перебирали копытцами.

— Гони к чертям!

А тут отделился от кучи щебня старик пастух, в полушубке и продавленном котелке; уставился иконным ликом на Карасёва и попросил на табак.

— Гони чёртово стадо! — крикнул на него Карасёв, задрожав щеками.

— Чёртово-то без ног бегают, чёрта возит... — сердито сказал пастух и пронзительно засвистал в пальцы.

Выехали, — и только теперь Карасёв заметил, как пусто в полях и на дороге и как тихо. И ещё заметил, что уже не под синим небом едут они, что нет солнца и засвежело и засинело впереди, справа.

— Я совсем замерзаю... — кисло сказала Зойка. — Ничего интересного...

— Ещё бы, ты в лоскутах каких-то... моды ваши. Стой, запасной вынуть!

Карасёв поднял сиденье, но запасного плаща не оказалось. Он обругал шофёра болваном и получше укутал Зойку.

— Теперь скоро.

— И почему без верха! Предпочитаю каретку...

— Это гоночная машина... портить фасон! Да и не думал, что тебе вздумается ехать.

— Не знаю уж, кому вздумалось! — сказала она капризно. — Ваши затеи всё.

От синевы справа сильнее наливало ветром, и по серой полосе было видно, что там идёт дождь.

— При чём тут мои затеи! — воркнул Карасёв, чувствуя на лице первые брызги.

— Ах, оставьте!

У ней покраснели глаза и заслезились.

— Ходу!

Опять неслись по пустой дороге, словно чем дальше — меньше и меньше было людской жизни. Не было деревень или не видно их было в беге. Низиной пошла дорога, с кусточками по болотцам, чернеющими стенами лесов вдали, за пеленою дождя.

— Как бы не перехватил, чёрт... — забеспокоился Карасёв, вспомнив по лесу о Провотархове. — Надо было телеграфировать! Да или нет? — загадал он Зойке.

— Ах, отстаньте... Ну да, да! Она знала эту его привычку.

Он успокоился и принялся мечтать, как сейчас, перекусив на заводе, махнёт к генеральше и закрепится. Теперь-то и закрепляться. Верно говорил Бритый — конъюнктура! И профессора говорят, что конъюнктура. Пройдёт год-другой, и кончится эта... конъюнктура. И уж не дожидаться такой растряски. И задумался под напев мотора: по именьям да по лесам надо; стройка большая будет, как накорезили! Вытащил записную книжку и пометил.

— Что ты записываешь? — полюбопытствовала Зойка.

— А чтобы Зойке потеплей было... — наклонился он к ней и крикнул в ухо такое, что она сделала большие глаза и назвала бесстыжим.

— Ужо поговорим! — крикнул он в душивший его ветер, а ей послышалось: "В Рим!" — и она крикнула:

— Поедем в Рим?! да?!

— К чёрту на рога! — во весь дух крикнул он и хлопнул шофёра по плечу: — Ходу! предельную!!

Шофёр отмахнул затылком — весь ход! Теперь это был не ход, а свист и мельканье. Крутилось и мчалось всё, а что — не видно. Острой сечкой било в лицо дождём. Сизое впереди было уже — вот, и дали пропали в мути. И только хотел Карасёв крикнуть — ходу! — дрогнуло и осело под ним. Шофёр взял в тормоза и уверенно свёл до останова.

Лопнуло колесо под Карасёвым.

Шофёр молча вылез, молча достал из ящика инструменты и полез чиниться.

— Ужасно хочется есть... — сказала Зойка. — Должно быть, я промочила ноги.

Сильней и сильней сёк дождь, и струйки стекали в ковш, напитывая войлочную подстилку. Уныло кричали кружившиеся в дожде грачи и галки.

— Ничего, с нами коньячок есть. На заводе согреемся.

Карасёв представил себе пылающую печку. Можно и ночевать, а подумают там чего — чёрт с ними! — поласкал он глазами Зойку. Ветер упал, и теперь поливало настойчиво. Попадало за воротник, и пришлось поднять капюшон.

— Ой-ой-ой... — истерично засмеялась Зойка. — Ужасно ты похож на моржа!

— А ты на кого похожа!

Она топотала, кончик носа у ней покраснел, а подкраска смазалась и открыла пятнышки на щеках. Карасёв хмуро взглянул на неё, и её лицо теперь показалось самым обыкновенным, как у горничной Маши.

— Ну, скоро ты там?! — крикнул он распластавшемуся на серой грязи шофёру.

— Выдумали катать в какой-то калоше! Только мальчишкам ездить в ваших коробчонках...

— Эта «коробчонка» стоит восемнадцать тысяч! — обидчиво сказал Карасёв. — Её и сандуковская не накроет.

— О господи... Да у него салон, спать можно!

— Только о постелях и думаете...

— Ах, вот что!..

Она толкнула его и хотела сойти, но он ухватил её и посадил силой.

— Нечего дуру строить... погляди на себя!

Она поглядела на лужи, в которых плясали серые пузыри, и закусила губы. А тут подошёл мурластый странник с клеёнчатой сумкой за плечами, пытливо пригляделся и попросил басом:

— Капните пятачишко, господа аристократы...

Карасёв поглядел свирепо в прыщавое лицо в жирных космах, плюнул и обругал дармоедом.

— Ещё потягаюсь, кто дармоедней... — сказал странник и тоже плюнул. — Мочиться вам сорок дней, сорок ночей!

Шофёр уныло сказал — готово, прыгнул, и опять стал сечь дождь. Карасёв злился: давно бы уже был у генеральши!

— Чего болтал тебе Сандуков?

Зойка вызывающе повела мокрыми глазами, с собравшейся к носу синевой карандашика, поджала тонкие губы и крикнула:

— Это ещё что?!

— А вот знать желаю! Чего этот толсторожий тебе хрипел?

Она посмотрела на него, как на грязь. Летевшие спереди брызги сменились грязью, и в Карасёва лягнуло целым комом. Теперь хлестало со всех сторон, пороло дождём, лепило. Машина бешено заносилась в заворотах, выла и скрежетала. Они осели в ковше, уцепившись за петли. Мчало, не давая дышать и крикнуть.

— Тише!.. — пытался Карасёв крикнуть, но шофёр не слышал за ветром.

И вдруг загремело, словно застучали железные кузнецы, шофёр ахнул и перевёл скорость. Рыкнуло, резко толкнуло, и машина остановилась.

— Что ещё?!

Стояли в низине, у мосточка. Шофёр спрыгнул, словно хотел убежать, сорвал капот с машины и сунул голову.

— Какого ещё чёрта...

— Ехать дальше нельзя... — объявил шофёр, дёрнул шей и высморкался в пальцы.

— Почему нельзя?! — крикнул Карасёв, грузно подымаясь в ковше.

Шофёр опять юркнул головой, по локоть запустил в картер руку, пошарил и показал что-то на ладони:

— Баббит... [5]

— Что это?! — спросил Карасёв, косясь на блестящие кусочки.

— Баббит... — растерянно повторил шофёр.

— Так исправляй, чёрт возьми!

Шофёр только пожал плечами. Перегрелись подшипники, и баббит растёкся... Надо тащить лошадьми... Засорилась маслёнка и не подавала масло... Перегрелись подшипники, и баббит растёкся...

— Значит, совсем болван?!

И опять повторял шофёр, что ехать никак нельзя, объяснял про подшипники и опять повторил — баббит. А тут напозла густая, как дым, туча, закрыла белое небо и полила потоки.

— У меня лужа под ногами! — крикнула Зойка. — Вот ваша проклятая ловушка!..

Дело было совсем плохо. Она промокла, сидела с зеленоватым лицом и подрагивала губами. Её шапочка с птичкой съехала набок, и птичка висела вниз головой, распушив пёрышки.

— Вот... — сказал Карасёв растерянно, — придётся идти пешком.

Она взглянула на него с ненавистью. Её губки, умевшие так впиваться, чуть вывернутые в уголках, потеряли всю кровь и подёрнулись плёночками, и стала она похожа на больную и скучную, будничную портнишку. Они начали говорить колкости, злить и обвинять друг дружку:

— Мало иметь машину, надо уметь ею пользоваться!..

— Надо уметь одеваться, когда едут в дорогу, а не наворачивать тряпчонок, в которых таскаются по бульварам! Знайте своё дело и не суйтесь!

Карасёв вылез из машины.

— Я вам докладывал, где брать масло... — плаксиво сказал шофёр. — Я вам докладывал, жульническое пошло масло...

Карасёв поднёс красный крутой кулак к его носу и потыкал:

— Я тебе до-ло-жу! Там где-нибудь поездишь... там тебе будет масло!

Надо было выпутываться. До завода оставалось вёрст двадцать, до ближайшей деревни — Труски или Хруски — вёрст восемь. Место было унылое. По сторонам тянулось болото в осинничке. Вперёд уходил подъём, и на нём темнел лес. Карасёв знал, что здесь начинается княжеское имение, где он прошлой зимой был на волчьей облаве, потом Хруски или Труски, потом Кустово и имение генеральши.

— Придётся пешком. В Хрусках возьмём лошадей...

— Никуда не пойду! — крикнула из-под пледа Зойка. Шофёр предложил добежать до деревни и пригнать телегу. Карасёв подумал.

— Постой... Какого чёрта нам на дожде! Там еловый лес на горе? а здесь мы останавливались недавно...

— Так точно-с, — сказал шофёр. — Пили из речки.

Теперь было ясно. Если подняться к лесу, с дороги видна сторожка, где останавливались у Никиты, на облаве.

— Останешься при машине, — сказал Карасёв шофёру, — а мы дойдём до сторожки и возьмём лошадей. А за машиной пришло с завода.

Пока стояли, начинали сгущаться сумерки. Чёрный лес на бугре едва маячил. Даже кустики на болоте затягивало мутью.

— Вылезай, — сказал. — Там обсохнем.

Зойка покорно вылезла из машины, теперь похожей на ласточкино гнездо, — так заляпало её грязью, — и отряхнулась, как выкупавшаяся индюшка. Шофёр конфузливо отвернулся. Карасёв только уныло покосился на её мокрую зелёную юбку, общёлкнувшую ноги. В другое бы время он пошлёпал её играючи, но тут только поморщился и помурлыкал.

— Дёрнул же чёрт меня... — ласково начал он, беря под руку, но она вырвала руку и толкнула. Он пожал плечами и крикнул:

— Да погоди... взять же надо!..

Вытащил чемодан и компактный завтрак — теперь он был очень кстати — и побежал догонять Зойку. Приостановился и послушал — может быть, едут? Не было ничего слышно, — только шуршал по болоту дождик.

— Вот проклятая сторона... как передохли!

IV

Путаясь в долгополой непромокайке, давно промокшей, догнал он наконец Зойку. Она попрыгивала, как болотная курочка, бежала на каблучках, не разбирая луж, вывёртывая тонкие ноги в захлёстывавшей, такой недавно чудесной и вольной, юбке.

— Ничего, дудуська... — одобрительно замурлыкал он, — сейчас у Никиты обсушимся, возьмём лошадей — и айда! А уж у меня досохнем. Там и каминчик есть... А чертовски хочется жрать!

— Ужасно, — примирительно сказала она. — Даже кофе не успела выпить... Сандуков ещё этот... Послушай, как они жвакают... Теперь всё испорчено...

— Да уж собьёмся как-нибудь, справим... — в тон ей плаксиво сказал Карасёв. — Ах, хитрая ты какая! Сейчас коньячку хватим, омарчиками подзакусим... — продолжал он смачно, поглядывая на баульчик. — А эту калошу к чёрту!.. Скоро настоящий салон придёт, на нём хоть в Крым жарь. Ничего, дусечка... время какое! миллионы мокнут! и коньячку нет. А мы ещё в приличных условиях... маленькое приключение, забавно даже... А как же вот, в Альпах каких-нибудь будем странствовать! Знаешь, там как?! Надел мешок, взял палку с крюком — и катай по горам, по пропастям! Сколько народу погибает!

— Замолчите, плупо! — крикнула Зойка, убив ногу о камень. — Вот простужусь из-за вас и потеряю голос... Да держите же меня наконец! Ну, что вы можете?! Вам только махинациями заниматься... с этими жуликами вашими!

— Вы по-тише... вам эти «жулики» деньги платят!

— Деньги!.. — крикнула она вне себя. — Смеее ещё говорить... какие-то жалкие гроши!

— Халда — халда и есть, — крикнул Карасёв, отшвыривая её руку.

Они остановились в луже и переругивались, припоминая все гадости, какие знали. Она швырнула ему, что прикрылся какими-то подковами, которые без него сделает всякий дурак, что он дрянь и трус. Он в бешенстве назвал её ужасным словом. Не будь он такой дурак, так бы и таскалась по грязным садишкам в Екатеринославе, с обсаленными актёришками и лакеями, со всякими котами!

— Смеее оскорблять меня?! актрису?! — крикнула она, распахнув плед, словно хотела разорвать платье.

— Трагедию не разыгрывайте... тут одни вороны! Да в тебе и искусство-то одно, что...

Она ударила его по щеке. Он рванул её за руку и толкнул.

— Ну тебя к чёрту!

Так они постояли под неустанным дождём, поругиваясь, а над ними тянулись трескучей вереницей грачи и галки с чуть видных теперь полей.

— Пойдёшь наконец?! — крикнул Карасёв и решительно двинулся вперёд.

Она поплелась за ним. В напряжённом молчании они дотащились до вершины подъёма. Здесь охватило гулом большого леса. Он глядел на них чёрной глухой стеной. Сумерки сгущались в сплошную муть: чуть видно было теперь дорогу.

— Вот он, лес... — сказал Карасёв, прислушиваясь к гулу. — Где-то тут и сторожка...

Но как ни вглядывался, — ничего не мог разобрать: чернел и чернел лес и шумел в ветре.

— Надо перебраться на пашню, оттуда видней...

Он перебрался через канаву и выкарабкался по откосу на пашню.

— Но я же боюсь одна! — крикнула Зойка.

Она полезла, призывая его на помощь. Он сунул ей руку и выволок на пашню. Они пошли, увязая по щиколотки и спотыкаясь на комьях. Зойка с трудом вытягивала из глины ноги. Наконец они вплотную подошли к лесу, и на них пахнуло затхлостью и жутью. Теперь было видно, как мотались мохнатые лапы елей — вели свой лесной разговор в гуле. Это тревожное мотанье показалось Карасёву жутким, будто подавались загадочные знаки — таинственный, немой говор. Из глубины доносило порою треском.

— Я не пойду... — робко сказала Зойка, приглядываясь к лесу.

— Зачем нам туда, мы краем... — нерешительно сказал Карасёв. — Кажется, самый тот лес и есть, строевик... Опушкой надо.

Они побрели опушкой, вдоль канавы, в высокой старой траве, а впереди, сколько хватало глазом, тревожно мотались и махали лапы, — ещё видно было на белёсом небе. Дошли до угла и опять вышли на пашню. Лес уходил влево.

— Угол! Да где же сторожка?.. — неуверенно сказал Карасёв, тревожно вглядываясь в мотающиеся лапы.

Но как ни всматривался, не мог ничего увидеть.

— Там кто-то стоит... — пугливо шепнула Зойка.

Карасёв пригляделся и увидел невысокого мужика в шапке. Невысокий, коренастый мужик стоял неподвижно, у канавы, и смотрел к ним беловатым пятном лица. Совсем над его головой махали лапы.

— Мужик... — сказал Карасёв. — Окликнуть?..

И позвал нерешительно:

— Эй, дядя!

Мужик и не шевельнулся.

— Да это же... куст! — с облегчением сказал Карасёв, разглядев куст можжухи: в плотном кусту застрял старый разбитый лапоть.

— Вот чёрт, совсем на морду похоже... — сказал Карасёв, шевеля чемоданом лапоть, и крикнул из всей силы:

— Сто-ра-аж!!

Крик вышел жуткий, даже самому стало неприятно. Два раза — ближе и дальше — отозвалось эхо, и близко совсем залаяла собака.

— Говорил, что есть! — крикнул радостно Карасёв, размахивая чемоданом. — Сейчас в углу и сторожка, от шоссе днём хорошо видно. Там-то и Никита.

Прошли с сотню шагов, и на них выбежала чёрная собака. Карасёв пошёл на неё, стараясь ударить по морде чемоданом и продолжая кричать:

— Сто-ра-аж!

Наконец в дальнем углу леса они различили красный глазок окошка. Карасёв подошёл и стукнул кулаком в раму. Красная занавеска откинулась, чёрная лапа потёрла стекло, и лохматая голова приплюснула нос, всматриваясь, кто там.

— Какого лешего... — разобрал Карасёв недовольный голос.

— Отворяй, Никита! — крикнул он голове. — Лошадей нам нужно!..

И пошёл на яростно прыгавшую собаку. С крыльца окликнула баба:

— Кто такой... ты, что ль, Пашка?

— Не Пашку, а лошадей нам нужно! — весело сказал Карасёв. — Гони Никиту за лошадьми.

— Чтой-то, го-осподи... — подивилась баба, пропуская в сенцы укутавшуюся в плед Зойку. — Микиту?!

— Ну, разговаривай... Светить бы надо! — крикнул Карасёв, напорвшись на гвоздь карманом.

В избе было угарно, жарко и крепко накурено махоркой. Ещё ничего хорошенько не видя в полутьме, в синеватой пелене дыма, Карасёв швырнул непромокайку и сказал глазевшей на них бабе, что случилось несчастье, сломался автомобиль, и надо немедля послать за лошадьми. И сейчас же всё разглядел.

Под невесёлой, без круга, лампой сидели за самоваром двое. Под кумачным подзором у образов сердито глядели с опухшего серого лица чьи-то оловянные глаза — так они были тусклы — и щетинились рыжие усы. По стриженной голове и зеленоватой рубахе признал Карасёв солдата. Рядом, спиной к завешенному окошку, пил чай широкий, рослый мужик с рыжей бородой, очень яркий и праздничный от красной рубахи и бороды; пухлые его щёки так и горели, не хуже рубахи. Это и был лесник, только совсем не тот, кого ожидал встретить Карасёв. Не торопясь, допил он с блюдечка, утёрся и сказал хмельно:

— А вот воспретить надоть гоняться... Овцу намедни задавили.

— Гулянки им... — грубо сказал солдат.

Зойка состучала с башмаков грязь и присела на скамейку, к печке. Пока она учила дурёху бабу, как надо расстёгивать башмаки, и стягивала сквозные чулочки, Карасёв уверенно подошёл к столу и сказал хозяйски:

— Вот что, братцы... А где же Никита?!

— Был Микита — теперь Максим... — хмуро сказал лесник. — Где ж ему быть — чай, воюет! А вы кто такой?

— За лошадьми послать надо! — сказал Карасёв настойчиво.

— А вы... кто такой!! — возвысил голос лесник, тряхнулся и поднял голову. — Чиновник... или што?!

— Прошибся... адрестом! — крикнул пьяно солдат. — На пункт надоть!

Карасёв прикинул — помягче надо.

— Я-то кто? — сказал он с усмешкой. — Кустовский завод слыхал? Ну, так я хозяин, сам Карасёв.

— Сам Карасёв! Слыхали... — пригляделся, тараща глаза, лесник. — Зять у тебя служил... слыхали...

Тут подошла баба.

— Как же, зятёк служил... — сказала она, поджимая губы и заглядывая, как на покойника. — Ещё когда прогорали, жаловнишка не платили...

Карасёв надул щёки.

— Так вот... за лошадьми бы послать...

— Теперь раздулся... — сказал лесник, руки в боки. — Сказывают, милиён нажил! Заводчик! Слыхали... очень хорошо. У его девка наша... — выругался он к солдату, — Сергеева, с краю-то!.. в услужении в Москве... двоих родила!

Солдат поглядел на озадаченного Карасёва и только хрипнул: — Хха!

— Ну, так лошадей надо! — возвысил Карасёв голос. — Кого-нибудь послать надо... заплачу.

— А вот нету у нас посланников... — подумав, сказал лесник и неторопливо налил в блюдечко. — Чай вот пьём! Что, барышни... аи намокши?

— Пришла вошь — вынь да положь! — сипло сказал солдат кусочку красного сахара и положил в рот, готовя блюдечко.

— Чай чаем, — нахмурился Карасёв на солдата, — а у меня дело казённое!

— Деньги-то казна делает, знаем... — отозвался лесник, продолжая пить чай.

— Сами казённые... — сердито сказал солдат. — Бери ероплан — вот те и... весь план!

— Во какой браток — ирой! — обрадовался лесник. — С им трудно! Ему хрест даден!

Отжал пот с праздничного лица и покрутил головой.

Тут поднялся из-за стола худой, долговязый парень-нескладёха, в синей рубахе и в пиджаке, — до этого он лежал на лавке, — отмахнул со лба мешавшие волосы-мочалки и бессмысленно уставился на Карасёва:

— Чего такой?..

— Во какой! — так и закачался лесник, показывая белые, как творог, зубы в золотой бороде. — Деньгами оделяет! — крикнул он парню. — Сам к тебе Карасёв... господин заводчик... кланяйся! Ему лошадей надоть... ишь у его барышни-то какие... деликатные, голы ножки! Ничего, барышни, мы ругаться не дозволяем...

Карасёв дёрнул плечами, но подумал: не стоит связываться, — и спросил с сомнением уставившегося на него парня:

— Ты, может, сбегаешь? Пятёрку бы заработал.

Не сводя вытаращенных глаз, парень нашарил за собой убитого рябчика, показал за ножки и брякнул на стол. Потом опять пошарил, нащупал на стенке ружьё, сдёрнул с гвоздя и свалил на себя картуз.

— Желаете... ружьё продаю?..

Карасёв безнадёжно пожал плечами: все пьяны, на столе бутылка с бурдой, куриные кости, селёдки, баранки и красный сахар, — что-то такое празднуют.

— Не желаете... наплевать! — выговорил после раздумья парень.

— Не ночевать же здесь!.. — капризно сказала Зойка. Подобрал под скамейку босые ноги, паинькой сидела она у печки. На неё глазела рябая баба, в розовой кофте и в красной юбке, подхватив толстые груди. Положив голову на кулачки, высматривал с печки мальчишка, и ещё чья-то детская головка выглядывала из-за мальчишки. На лавке, к дверям, стоял сундучок, лежал холщовый мешок и было постлано сено. Прикинув всё, Карасёв тоскливо послушал, как шумит за стенами лесом и постёгивает дождём в окошки.

— Не желаете... наплевать... — повторил парень, возя ружьём.

Баба выхватила у него ружьё и сунула под лавку.

— Куда ж им таким... пьяные!

— Шуми не шуми — некому! — отозвался лесник на настойчивое требование Карасёва. — Вот браток у меня пришедчи... в моём дому... ещё племянничка провожаем завтра, с отсрочки. Конторщик княжеский! — погрозил он к парню.

— Обязательно... — сказал парень. — И его сиятельства... гоф... гов... менстера... Язык не тово... — растянул он в улыбку рот и замотал головой. — Гоф... гофнейстера! — крикнул он радостно.

— Будет с им толковать... энту сюды зови, чай пить с нами! — сказал солдат, но лесник остановил рассудительно:

— Барышни... им слушать такое не годится.

— Видали барышнев... За мной сама графья ходила... я у ей руку целовал, она меня... хрестила!

— Не ругайся! — крикнул Карасёв.

— А ты што за генерал?! У меня указчиков теперь нету... Пострашней тебя видали... дерьмо какое!

Карасёв задрожал щеками, и его лицо пошло пятнами, но поглядел только на солдата.

— А ты, господин Карасёв, не шуми... в моём доме! — сказал лесник, и его праздничное лицо похмурилось. — Тут тебе не трахтир. Откуда я тебе лошадей возьму... семь вёрст в Хруски надоть?..

— Бабу сгоняй, дам пятёрку.

— Аи уж сбегать, Максим Семеныч! — всполохнулась баба. — Какие деньги сулят!..

Она сбросила полсапожки, подоткнулась, заголив белые ноги, и скрылась под занавеску, в угол.

— Чисто короли какие... От всего могут откупиться!.. — выругался солдат, с ненавистью глядя на Карасёва. — Что тебе наша баба, лошадь?!

Карасёв вызывающе поглядел в опухшее, неживое лицо в рыжей щетине, но сейчас же отвёл глаза — так было неприятно. А лицо солдата вдруг перекосилось и сморщилось, как от боли; он откинулся в угол и закрыл глаза.

— Прихватило, — понизил голос лесник. — Почки у его сгнили.

Баба вошла в тёплой кофте и шали и шмыгнула к двери, но лесник окликнул:

— Марья, постой! Как это так... праздник, у меня браток Василь Семеныч, в моём доме пришедчи... Не желаю!

— Чего ж ломаешься?! — крикнул Карасёв.

— А вот... не желаю! Браток вроде как помирать явился... в моём доме... во какое дело... — вдумчиво сказал он, положив на грудь руки и вглядываясь в самовар. — У его ноги водой пошли... как его почитать надо! а?! — поглядел он на Карасёва, шагавшего от стола к печке. — Становь опять самовар! — крикнул он дождавшейся у двери бабе. — Вот тебе сказ! Желаю ему уважение исделать...

Баба сердито сорвала шаль и швырнула на сундучок. В углу задрожала красная занавеска. И в зыбке забился кашлем ребёнок.

— У ей дитё... горить-бьётся... — хмуро сказал лесник, — а ты деньгами бабу блазнишь... Вот какое ваше... необразование!.. Становь ему опять самовар!!

Карасёв принялся доказывать, что завод ждёт, может остановиться работа, и тогда всем нагорит. Но лесник не слушал. Он растрогался от своих слов, ухватил солдата и полез целоваться.

— Бра-аток... отпиться тебе надоть... — жалостливо затянул он, наливая солдату из бутылки. — Счас отпустит. Ему хрест даден! — погрозил он пальцем. — В укладочке у него, в баночке... Какие медали дадены! Барышни, желаете чаю горячего?..

— Ну, что поделаешь! — сказал Карасёв Зойке.

Она сверкнула глазами и закинула ногу на ногу, выставив острое колено...

— Не буду я здесь торчать, в вони! Дайте больше и прикажите.

— Те-те-те... барыня-сударыня, чего тебе надобно! — разгульно крикнул лесник, выпив с солдатом, и его лицо стало опять праздничным. — Пей чай горячий!

— Сы-ыру ей..... надоть! — сказал солдат. — Они, такие, сы-ыр любят...

Передохнул, оглядел Зойку тусклыми, тяжёлыми глазами и облизнул сухие синие губы:

— Какая... зеле-еная!..

— Во какой у меня браток — ирой! — покрутил головой лесник, пощурился и благодушно ослабился на Зойку. — А вы, барышни, не серчайте... мы вам ничего, чего не след, не... дозволяем. А выпимши... это так. А то мы благородно... Лошадки, говорю, заморены... хлеб возют, убирают... народ притомился, спит непокрыто сном... Я деликатно могу сказать... как у меня в дому барышни...

— Ну, хорошо, хорошо, — сказал Карасёв. — Ну, хоть бабу пошли, ведь не обижу.

— Эн чего, не оби-ижу! — сказал солдат, потирая поясницу. — А можешь ты обидеть?! Не оби-ижу!..

Мотавшийся на лавке конторщик — он всё раскуривал папироску — вдруг вскинулся и взмахнул руками:

— Не имеют права... в душу его!..

Он было поднялся, но баба ухватила его и посадила.

— Счумел, чумовой... Что с ими сделаешь, — сказала она оторопело. — Вы их, господин, не слушайте.

— Не таким морду набивал... — удушливо выговорил солдат, растирая поясницу. — Что не воует?! — крикнул он, перекосив лицо. — Почему такой с девками... дознать про его надоть! Какие даннии?! ты кто такой, по каким заводам? Счас дознаю...

— Глотку-то придержи! — крикнул вне себя Карасёв, задрожав щеками.

— Я отечеству заслужил... имею полное право всякого дознавать! Законы такие есть, которые... всех казнить!

Лесник, вдумчиво слушавший, ударил по столу пятернёй и сказал строго:

— Он правильно, по закону. Тревожить его не дозволю... в моём доме. Потому, он ирой... и всё может, по всем законам. Ему хрест даден! А обижать... нет, не можешь, — продолжал он угрюмо и поглядел к Карасёву из-под сбившихся на глаза волос. — Покуль я тут, — пристукнул он кулаком, — ни бабу мою, ни деток... Обижали, будя! — тряхнулся он и выкатил кровавые глаза. — У меня за господами попропадало! Попили моей крови.....! Судиться только не желаю, канителиться... были б им рестанские роты!

— Я его... роздознаю... — устало выговорил солдат, положил кулаки и привалился.

В избе затихло. Было слышно, как хрипло дышал солдат да тарахтело тягой в самоварной трубе. Шарахало с поля ветром, а лес порывами словно набегал к окошкам и угрожал — шу-у-у...

— Чего больного человека тревожишь! — понизив голос, строго сказал лесник. — Видишь, мается всё... схватит и отпустит. Тихомирно без тебя было. Сидели по-хорошему... Давеча самовар к боку приставляли... Барышне вот желательно заночевать, могу дозволить... а бабу не погоню... куда она нам с дождю! Хочешь, на сеновал ступайте... для разговору... Доктор говорил в гошпитале... говорит, в кадку его надоть сажать, почти греть...

— Пятёрку сулят, живо бы обернулась... — попросилась баба.

— Дура... Какие нонче деньги пятёрка!

Конторщик поймал папирской спичку, пососал, втянув щёки, выпустил клуб дыма, подавился и выговорил тонко-тонко:

— Нонче курц... очень хороший!

— Знает, почём цыплята! — мигнул лесник, взял кусочек красного сахара, положил аккуратно на край стола и подвинул пальцем. — За эту-то сволоту, господи... рупь! — всплеснул он руками, с удивлением, вглядываясь в кусочек. — А?! Хрунье!.. — рванул он рубаху, — чего плачено, знаешь?! Краснота-то!! В твой, может, карман побегли... Красит рака горя!..

— Сколько же тебе надо? — спросил Карасёв сквозь зубы и взглянул на часы. — Час целый канителиться!

— Сколька?.. А вот... прикину.

Лесник выкатил из-под налитых век пьяно косящие глаза в кровяных жилках и хитро уставился на Карасёва. С минуту смотрели они друг на друга, не уступая взглядом.

— Долго же прикидываешь, — сказал Карасёв, чувствуя, как начинает рябить в глазах.

— Сколька-а... — повторил лесник, криво ухмыляясь. — А... полторы красных!

— Гони.

— Дал!! — недоуменно сказал лесник и оглядел избу.

— Дал, гони... — повторил Карасёв с задорцем.

— Чего такой, стой! — крикнул солдат, встряхнувшись и размахивая рукой, словно хотел сказать. — Как так, полторы красных?! погоди, никак нельзя... стой! Пьяного обманывает! Чего, полторы красных? Четвертной, никак не меньше... Сдурел, чёрт... — крикнул он леснику и задохнулся, даже посинело его лицо. — Четвертной...

— А ведь верно, што четвертной... никак не меньше, — сказал лесник виновато, покачав пальцем. — Правда, што... четвертной. Погода.

— Сотню с его гнать надоть... говорил! — хрипнул солдат, и лицо его колыхнулось, как студень. — Выкуси вот!

Карасёв решил дать и четвертной, но не сразу: ещё, пожалуй, накинут, если сразу. Он удивлённо повёл глазами и сказал твёрдо:

— Нет, брат... дудки! Не видать вам моего четвертного! Сам пойду лучше, а не позволю...

— Хха! — ощериваясь, сказал солдат. — Взяло.

Конторщик приложил к глазам кулаки и пригляделся, будто в бинокль.

— Не дам! — повторил Карасёв, быстро шагая по избе и чуя на себе оживившиеся глаза солдата. — Это уж разбой называется!

— Дайте же! — настойчивым шёпотом сказала Зойка.

— Да это же... возмутительно! — крикнул Карасёв, показывая глазами.

Но она не видела или не хотела видеть. Она согрелась и не могла и представить, как можно опять тащиться по этой грязи.

— Разбо-ой... — осклабясь, покрутил головой лесник. — Чего скажет... Это у тебя... разбой-то! Какой раздулся... С её за полсапожки-то кто дует, а?! Раз-бо-ой! Разя мы тебя силой? Чего тебе добежать, какой дюжий! Денежки целей будут.

— Всё чтобы крепостные.....! — крикнул солдат с надрыву.

— Вот и вали лесом, три версты выгадаешь... — сказал лесник, тяжело поднялся, пошёл, пошатываясь, к печке, вынул из печурки гребень и расчесал голову. — Не пужайтесь, барышни, я ничего... Духом добежешь, болотцем только обойти... Дипломат-то у тебя какой знатный, — ливнем не продерёт.

— Мчите, господин... на Гарище! — крикнул конторщик, кривя рот и щурясь, чтобы казаться хитрым.

Он всё прикладывал кулаки и всматривался в Карасёва, но на него не обращали внимания.

— Четвертной — деньги тоже не малые... — продолжал лесник, старательно расчёсываясь и стряхивая гребень. — Да не тревожьтесь, барышни... я вам ничего... Рублишками небось не гнушался, таскал в мощну, набивал! А то четвертной! Я вон чтой-то и не помню, каки таки четвертные...

— А с патретами... хха! — сказал солдат. — Зелёная краска...

— Каковы! — крикнул Карасёв Зойке.

— Всякие есть! — сказал лесник. — Мяконькова захотел?!

— Я сам..... сухари жевал!.. во какой стал... гладкий! — крикнул не своим голосом солдат, выворачивая глаза, и кулаком разбил блюдо.

— Гони!

— Дал?!

— Сказывал, сотню даст...

— А может, шутишь? — пытал лесник. — Ну, коли желательно... твой верх. Ступай им, Мария. Ай передумаешь?..

— Гони!!! — крикнул Карасёв.

Баба схватила шаль и шмыгнула к двери, но солдат воротил:

— Стой-погоди!

— Далась я вам — обувайся да разувайся! — крикнула в сердцах баба. — Ну, чего ещё?

— Деньги наперёд, обманет...

Карасёв дёрнулся, но только посмотрел на солдата, словно хотел ударить.

— Мало чего... А может, у него и денег нет!

— Верно, наперёд надоть, — сказал лесник. — Теперь никому не верь!

— Даю. А не подведёте?! — сказал Карасёв, кусая губы, и щёлкнул об стол бумажником.

— Как так не приведёт — приведёт... — тяжело навалился лесник на стол и уставился на тугой бумажник. Давай знай!

И солдат привалился, раздул щёки и дышал хрипло. Карасёв поймал его напряжённый взгляд и отошёл к печке. Там он вытянул четвертную и отдал бабе. Она схватила и скрылась под занавеску, но лесник с солдатом враз вскрикнули:

— А покажь!

— Тётенька, покажите... — сказал, поматываясь, конторщик. — Всем приятно...

— Чего баба в деньгах понимает... счас покажь! — крикнул лесник бабе и подтряхнул головой солдату. — Я счас разгляжу, какие его деньги. А то намедни в Хрусках корову так-то... за три полтинника у бабёнки выхватили взаместо сериев... купцами были!

Баба сердито швырнула на стол бумажку:

— Смотрите, нате!

— Стой-постой... — прохрипел солдат, глянув на Карасёва и захватывая горстью. — Знак такой, на свет чтоб. Где знак?! Печатают тоже чисто... Где тут...

Он держал за края бумажку и глядел на лампу разинув рот.

— Дай-кась, увижу... — потянул лесник, но солдат не дал.

— Батюшки, раздерут... — заметалась баба, протягивая и принимая руки.

— Я тышши держал! — рыкнул на неё солдат и оглянул избу. — Не вижу знаку настоящего!

— У тебя, может, глаза неправильные... счас увижу, — сказал лесник, вытягивая у солдата бумажку, и пощурился на Карасёва. — Надоть всё по порядку.

Он разложил её на столе, разгладил бумажку лапами и оглядел. Потом прихлопнул, словно бил муху, чтобы примять, и оглядел ещё.

— Энтю тебе не газета.

— Про... каторжные работы... — бормотал конторщик, отпихивая не пускавшую его бабу. — Счас могу... про каторжные работы?..

— Н-ну, ежели не годится! — вскрикнул лесник к лампе.

Карасёв наблюдал от печки, покусывая губы: так бы и дал по этой широкой роже!

— Счас распро-обуем...

Лесник взял бумажку на зуб, — туго ли рвётся, — поглядел так и этак на огонёк, отставил от себя подальше и прочитал по складам:

— Четвер... тной... би-лет! Да!

— Сгодится, ладно, — сказал он, складывая, и отдал бабе. — Ну уж, беги им... куда знаешь! — погрозил он к окну. — Да-а... И всё-то нонче у нас дорого... — сказал он устало и со вздохом, свёртывая покурить. — И, сталоть, эн-тот у вас... — полизал он бумажку, — ахтомобиль поломался? И вы, сталоть, на дожджу!..

Баба вышла. Слышно было, как она кликала Цыганку и побежала под окнами. Карасёв вынул платок, вытер лицо и внушительно высморкался.

— Растревожили карактер, мочи моей нет... — отдышался солдат. — С чего такое?..

— На Котюхи помчала! — сказал лесник, потирая красную шею, и позевал протяжно. — Ай остатнее на покрывку... замрёт, может?

— Давай, замрёт, может... — отозвался солдат и вдруг, поняв что-то, так и заколыхался и замотал головой, хоть и боль была на лице. — Бес-баба... На Котюхи?!

— Обязательно на Котюхи. Никак дождж опять?..

Дождь всё точил и точил, и всё шумело в лесу порывами.

VI

Лесник достал из-под лавки бутылку, взболтнул на огонёк и разлил по чашкам. Солдат понёс, расплёскивая, запрокинулся, поперхнулся и вскинул брови: стало его лицо сизым. Конторщик

выпил и дёрнулся, словно его проткнули. Лесник покрестился и пролотил, выпучил глаза и крепко задумался — на стол.

— Дюже зла... — сказал он сипло после раздумья. — Лавошникова много мягче... декох.

Принялись за селёдочные головки. Конторщик поерошил рябчика, стукнул его головкой о край стола и сказал уныло:

— Сытый... самая-то пора! Господин хороший, купи у меня ружьё... у тебя денег много... Этих набьёшь...

— Не требуется мне ружья, — сказал Карасёв.

— Не требуется... А чего... требуется?..

— Не знаешь чего?.. — отозвался солдат и сказал нехорошее. — Ну его... Я у тебя... отдышусь, куплю. Зайцев буду... казнить!

И стали говорить, — хорошо бы дровами заторговать солдату, выправятся вот ноги. Горбатый вон тысячами теперь ворочает.

— А, шут горбатый, — с досадой сказал солдат. — Бабу его любил до страсти... совокупно... Всё-то у меня разладилось, себя не узнаю...

— Не миновать тебе торговать! — сказал лесник. — Я тебе устрою... скажешь потом... при деньгах будешь! За наши леса милиён дают, два просим... Казна подсылала, только дай!

— Куда ему деньги, лысому... у него пять милиёнов!

— Семь милиёнов... — выговорил конторщик, запихивая в карман рябчика.

— А вот... сидит, милиёнами обклатся, а всё хочет... А тут бьёшься-бьёшься, с дыры на дыру перекладаешь... только и делов. Денежки-то туды пылят... — показал он костью на Карасёва.

— До хорошего дожду... — устало сказал солдат, — уже невмочь ему было, — отгрёб со стола и привалился.

Лесник покликнул Мишутку с печи, дал сахарку и погнал спать. Конторщик всё ещё возился с рябчиком. Карасёв с Зойкой тихо переговаривались у печки.

— Кажется, угомонились. Что, устала?

— Когда это только кончится... Есть хочется, — шепнула она, вынула из сумочки зеркальце и попудрилась.

— Там уж как следует закусим...

Карасёв развязал баульчик, достал пакетик, и стали закусывать на скамейке. У стола затихли совсем. Солдат похрипывал: было видно,

как подымалась зеленоватой горой спина и двигалось рыжее, с беловатой проплешинкой, темя. Только лесник сидел, подперев голову кулаком, и сонно глядел на стол. Ходики на стенке, над плакатом со швейной машинкой и красной барыней, отстукивали чётко-чётко, будто за стеной отбивали косу.

— Какой ужас... — шепнула Зойка. — Почему они тебя знают?..

— Как же меня не знать, — вся округа знает... — сказал Карасёв, жуя телятину. — С ними надо уметь. Коньячку бы теперь хватить...

— Посмотри... — тронула его за рукав Зойка.

Покачивая головой, смотрел к ним из-под кулака лесник. Волосы его взмокли и закрыли лоб, и пристально, не моргая, высматривали глаза.

— Как смотрит...

— Я ещё поговорю с ним... — шепнул Карасёв значительно. — Завертится!

— Желаете... чаю горячего?.. — пьяно спросил лесник, не сводя глаз.

— Не желаю.

— Я барышнев спрашиваю... Желаю угощать.

Зойка мотнула головой.

— Гордый...

Он важно выдвинулся из-за стола, упёр руки в колени и поглядел исподлобья.

— Почём же теперь деньги-то ходят... — подумал он вслух и покрутил головой. Помолчал. — Дела... И опять помолчал. — С деньгами-то чего исделали... Барышни-то тебе как... для забавки? — неожиданно спросил он, пристально глядя на голые ноги Зойки.

— Поменьше разговаривай, лучше будет! — строго сказал Карасёв.

— Лучше?! Ну-ну... ещё лучше будет? Барышни ничего, хорошенькии...

Зойка посмотрела пугливо и поджала ноги.

— Дрова почём? — спросил Карасёв резко. — Вашего управляющего хорошо знаю, Скачкова... повидаюсь завтра... — добавил он неспроста, хоть раз всего и видал этого Скачкова. Подумал: раньше бы сказать надо!

Лесник шевельнул бровью, смазал с лица хмельную паутинку и поглядел пытливо и недобро.

— Та-ак... — сказал он, вдумываясь, и на пухлых губах его залегла усмешка. — Жаловаться, может, хочешь... ограбили тебя! Ну, жалуйся... жалуйся... Жалуйся!! — крикнул лесник, метнув глазами. — Ах ты, дело-то какое... не знамши-то... — озабоченно сказал он и затеребил бороду. И вдруг весь затрясся красной горой, засмеялся пьяно и отвалился к стенке, раскинув ноги. — Эх, горе твоё... свистит твой Скачков Сашка! По весне ещё прогнали, воровал шибко! Тебе, может, дрова переправлял... на завод? Барин, жалуйся — ступай... В Нижнем мукой торгует. Далеко...

Сложил на груди руки и колыхался. Но глаза не смеялись.

— Что вам за охота, не понимаю! — сказала Зойка. — Дерзостей хотите.

— Чудак человек... с чего мне на него жаловаться! — примирительно сказал Карасёв.

— А-а... Теперь, сталось... не желаешь жаловаться? Ладно. Пошутил, скажем... Ладно-с... У меня в лесу... волки тоже, шутят...

Они продолжали тихонько закусьвать. А лесник поглаживал и поглаживал бороду, посматривал. Потом стал высматривать на полу.

— Господин-барин... как вас?... Господин Карасёв! — громче окликнул он неотозвавшегося Карасёва. — А что я тебе желаю сказать... желаю вам спросить... Ружьецо-то Степашкино, чего ж купить не желаете?

— А не требуется, голубчик.

— Жадный вы. А чего я тебе желаю сказать! Ей-богу, ружьецо-о... цены нет! а? Кому не надоть — сто монет без разговору, а?

— Да говорю, не требуется!

— Всё не требуется... А ты погляди-ка, я тебе сейчас... приставлю...

Он тяжело повалился, пошарил под лавкой и достал ружьё.

— Оставь ты... не надо! — озабоченно сказал Карасёв.

— Ничего, что вы... чай, не махонький. Гляди, на! — сказал лесник, потирая залившееся кровью лицо и оглядывая двустволку с приклада и по стволам. — Ведь это што! ни расстрелу, ни ржавочки... ни рачка! По волку не промаховал, в глаз бил! — сказал он, потряхнув ружьё о колени, избочил голову и хитро пригляделся к Карасёву.

— Ну, ты поосторожней...

Лесник дёрнул затвор и разломил двустволку.

— Механика! — крикнул он, сощелкивая, медленно поднял ружьё и повёл к лампе.

— Что он делает! — испуганно зашептала Зойка, дёргая Карасёва.

— Осторожней, ты! — тревожно остерёг Карасёв, встав со скамейки.

— Мушку пляжу... неяственно... — наводя в лампу, сипло выговорил лесник. — А вот, яственно! Золотая мушка, ночью видать... — повёл он к печке ружьём. — Всё яственно... — пьяно повторил он, виляя ружьём. — Какая правильная... мушка...

— Ты!.. — сдавленно крикнул Карасёв, виляя от упрямо нащупывавших его чёрных дул.

— Боже мой... оставьте! — вскрикнула, помертвев, Зойка и закрылась руками, чтобы не видеть.

Лесник рванул ружьё на колени.

— Под руку не... дрогнуть могу! — крикнул он дико и сверкнул мутными огоньками глаз. — В случае... не отвечу! Чего под руку говоришь?! Мушку желаю пробовать... а вы чего под руку!

И опять поднял ружьё.

— Прошу тебя!.. — не своим голосом крикнул Карасёв, пригнувшись.

— Стой! мушку пробую... яственно! — Ты!!!

— Да господи... — сказал лесник благодушно, и лицо его стало праздничным. — Ужли ж я не понимаю... без понятия? Пьяный, а... всё соображаю. Убить могу!

— Мало ли бывает, по неосторожности... — сказал упавшим голосом Карасёв, весь мокрый, едва сдерживая подрагивающие губы и не сводя глаз с ружья. — Ну-ка, дай поглядеть...

— Чего поглядеть? — грубо сказал лесник, отмахивая ружьём. — Не желал глядеть, как давали... нечего! Аи боишься? — усмехнулся он, приглядываясь к бледному лицу Карасёва, в пятнах. — Смерти-то и ты боишься! Надоть... она ноне ходит...

И вдруг вскинул ружьё и навёл на лампу:

— Мушку не вижу, с чего?! — сказал он озабоченно, принял ружьё и прощупал мушку. — А ты не пужайся. Пьян, а всё соображаю.

Привыкать надоть, приготовляться... всем она достигнет... кому предел. Вишь, Степашка спит... всё равно! Браток все смерти видал... Ах ты, барышни-то как испужались! Я им ничего-о... они барышни деликатные... Эх, запалю! — вскрикнул он и так засмеялся, что по телу Карасёва побежали мурашки.

Солдат поднял голову от стола, промычал и опять привалился.

— Пусто-ое, барин... пустое! — сказал лесник благодушно. — Сам гляди, на... пустое. На вот, гляди! ну, гляди... ну? Игде тут чего? Гляди, на... суй пальцем!

Он рванул затвор и разломил двустволку.

— Скрозь гляди, на... Ну, гляди в его, гляди... игде... тут? — выкрикивал он, тыча ружьём к лицу Карасёва. — Дуй в его! — крикнул он в дуло и со свистом выдул. — А вы-то напужались!..

Карасёв хотел что-то сказать, как услышал поскрипыванье телеги и узнал лошадиный шаг.

— Лошади вам, никак... — сказал лесник, сощелкнул ружьё и поставил в угол. — Вот вам и удовольствие.

— За это удовольствие... — начал Карасёв и не захотел говорить.

В избу вбежала запыхавшаяся баба:

— Насилу-то, насилу упросила... не едут и не едут. Лошади-то уморились, уж насилу-насилу за три красненькие, прямо уж упросила. Господа-то, говорю, больно хорошие...

— Хорошо, что хоть скоро, — ворчнул Карасёв, собираясь. — Чего так копаешься... — раздражённо сказал он Зойке, возившейся с башмаками.

— Прямо упарилась, бежамши... Рядилась-рядилась...

— Дура... — сказал лесник, — ряди-илась! Что тебе, чужих денег жалко! На Котюхи ходила?!

— Ну, на Котюхи... — нехотя отозвалась баба.

— Чего ж долго-то, с версту не будет!

Карасёв слышал, но теперь важно было одно: поскорей выбраться. У Зойки путались и дрожали руки. Он помог ей застегнуть башмаки. Лесник поглядывал от стола. Грелась и потоптывала у печи баба.

— Ка-амедия... — выговорил лесник и крикнул: — Ста-ановь самовар!

Поехали в телеге, на сене. Ветер усилился — совсем буря. Ехали опушкой. Гудело по лесу и трещало, и мохнатые лапы елей всё так же

тревожно бились, сколько хватало глазом, в зеленоватом свете мчавшейся в облаках луны: гривы непонятных лесных коней.

Карасёв укрылся под капюшон. Было на душе как после мутного сна, — тревожно-гадко. Он рванул набежавшую на него косматую ветку и крикнул:

— Да погоняй, чёрт!

Жавшийся на передке мальчишка задёргал верёвками.

— Далече, барин... не довезёт... — сказал он робко. Наконец выбрались на шоссе.

— Наши огни... — сказала Зойка.

Далеко внизу, может быть с версту, — было видно с горы, — светились огни машины. Они казались заброшенными, неживыми. Карасёв вспомнил про шофёра: "Не евши, промок", — и ему показалось, как это давно было.

Тянулись чёрные стены леса, — так и пойдут вёрст на сто. Зойка накрылась пледом и задремала. Карасёв всё курил и глядел, — лес и лес. Открыл чемодан, нащупал коньяк и выпил жадно и с наслаждением.

— Ладно, ничего... — подумал он вслух, чувствуя приятную теплоту. — Черти.

notes

Примечания

1

Петровка — пятисотрублёвая ассигнация, на которой был изображён император Пётр Первый.

...кепку с большими консервами... Консервы — здесь: очки с дымчатыми или синими стёклами для защиты глаз от слишком яркого света, пыли и проч. (от франц. *conserves* — защитные очки).

Речь идёт об известном до революции магазине гастрономических товаров "Елисеевы братья", Тверская ул., дом 40 (ныне Гастроном N 1).

4

Брефест (Искаж. англ. breakfast) — утренний завтрак.

Баббиты — металлические сплавы, употребляемые для заправки вкладышей подшипников.